

Ирина Ваганова

A woman with large, white, feathered wings stands in a snowy, winter landscape. She is wearing a long, white, lace-trimmed dress. To her left is a lit candle in a holder, with smoke rising from it. The background shows snow-covered trees and a dark sky.

Одинокая свеча
Березини

Ирина Ваганова

Одинокая свеча Берегини

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73185928

SelfPub; 2026

Аннотация

Дочери купца Черникина уготована необыкновенная судьба. Оливия – не только красавица с золотисто-русыми волосами и глубокими синими глазами, но и обладательница мудрости и скромности. Её загадочный дар становится светом надежды в мире, где грани между реальным и потусторонним тонки и зыбки. Но прежде чем юная девушка с нежным именем станет хранительницей Потаённых врат Олигой Вещей, ей придётся пережить потери и потрясения – как в личной судьбе, так и в судьбе России на рубеже XIX и XX веков.

Содержание

Глава 2. Тайны монастыря и пророчество	16
Глава 3. Недолгое паломничество	35
Глава 4. Жизнь в имении и первые видения	54
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Ирина Ваганова

Одинокая свеча Берегини

Глава 1.

Неумолимый выбор

Оливия с пальцами в руках устроилась около окна – ловила каждый лучик дневного света, торопясь вышить Ангела-Хранителя в подарок на именины крёстной – матушке Прасковье, подвигающейся в ближайшем монастыре. Радая была бы пожертвовать в монастырь и золото, и серебро, да не было в семье Черникиных лишних средств, сами еле существовали, даром что купец Дмитрий Петрович – отец Оливии – богатое наследство получил, да и за женой Евдокией Васильевной доброе приданое взял. Вот уж несколько лет валились на Черникиных несчастья – одно за другим без продыху.

Тоскливо стало в родном гнезде, все разговоры про долги, да залого. А ведь когда-то дом звенел смехом и песнями, а к праздникам непременно звали гостей и устраивали представления. Не жалел в ту светлую пору Дмитрий Петрович денег, старался жену и детей порадовать. Переменилось всё после того, как старшие сёстры Оливии совсем юными замуж вышли. За Лидой хорошее приданое дали, для Веры вполовину смогли собрать. Девушки Черникины все собой были красивы и стройны, и воспитаны, в новые семьи что

Лидию, что Веру хорошо приняли. Можно было порадоваться за них. Оливия радовалась, конечно. Благодарила Бога, что послал сестрицам счастливую судьбу. Ей же – бесприданнице – на такое рассчитывать не приходилось.

Два брата, Константин и Харитон, старались, отцу помогали. Всем хотелось и младшенькую в семье не обидеть: приданое собрать и доброго мужа найти. Увы, не давал Господь на это своего благословения. Оливия любви не ждала, понимала, что вряд ли найдётся человек, готовый за одну лишь красоту назвать её женой, любить и не попрекать куском хлеба, не заставляя делать чёрную работу, к которой купеческая дочь не привыкла. Учили её шить одежду, вязать шали, варежки, носки, ткать ковровые дорожки, да разве ж этого хватит, чтобы дом вести, да без прислуги обходиться?

За тяжёлыми мыслями вышивальщица не заметила, как палец уколола. Шикнула, лизнула ранку, отложила пяльцы. Темнеет. Как бы ни испортить подарок. Матушка Прасковья придиричива и строга. Каждый узелок, каждый стежок проверит, прежде чем покров для аналая в храм нести, даже в самый дальний придел. Посмотрела Оливия на проезжающие по улице дрожки, губу покусала, вспоминая, каков раньше у батюшки выезд был, и вздрогнула, услышав противный скрип несмазанных петель.

Охнули доски пола, в комнатку вошла тётушка Фёкла – единственная задержавшаяся у Черникиных служанка. Вместе с Фёклой вплыл запах кислого молока, да свежего хлеба.

– Чего пужаешься, Олишка? – шамкала беззубым ртом старуха. – Я с доброй весточкой к тебе иду.

– С какой весточкой, няня? – поднялась ей навстречу Оливия.

– Беги, беги к бабушке, Дмитрий Петрович сам всё расскажет. Беги, милая.

Тревожно забилося девичье сердечко. Не верилось Оливии, что в ближайшее время ждёт её что-то хорошее. Крадучись шла в отцовский кабинет, после комнаты глаза не сразу привыкли к полумраку. В коридоре лампу не зажигали, экономили керосин. Добравшись до двери, пошарила рукой, нашла металлическую скобу, стукнула, как и полагалось, трижды, услышала отцовский бас:

– Заходи, Оливия. Жду.

Прикрыла девушка за собой дверь, поклонилась отцу:

– Вечер добрый, бабушка.

– Добрый, добрый, – грустно улыбнулся Дмитрий Петрович, – сядь-ка, Олишка. – Дождавшись, когда дочь опустится в кресло, стоявшее по другую сторону от большого, покрытого зелёным сукном, стола, и заговорил, стараясь придать густому низкому голосу мягкость: – Тебе скоро осмнадцать...

– Полгода ещё, бабушка, – напомнила Оливия, борясь с нехорошим предчувствием.

Она глубоко вдохнула пахнувший книжной пылью и чернилами воздух и сморгнула с ресниц набевавшую слезинку.

Отец упрямо покачал головой.

– Скоро... Пора о замужестве думать. – Резко выставил раскрытую ладонь, пресекая возражения, и продолжил свою речь: – Сватаются к тебе.

– Кто? – дрогнув, спросила Оливия.

– Барановы. Хотят за Борьку тебя взять.

– За Бориса? – охнула девушка. – Так он ведь беспутный!

Имя младшего Баранова с удовольствием трепали все местные сплетницы. Парень и тверёзым был буйный, а ежели на грудь принимал в кабаке, так его только городовые могли утихомирить, и то втроём, не меньше.

– Молод, горяч, – согласился Дмитрий Петрович. – Потому и женить его хотят, чтобы поутих.

Оливия слабо представляла, как её кротость и покладистость поможет исправить буйного Борьку. Ему ведь слово поперёк скажешь – тумака схлопочешь.

– Батюшка, сжальтесь! Мне в ихнем доме не выжить! Отец Бориса, говорят, по-первости жену колотил, да и деток не жалел...

– Замолчи! – Дмитрий Петрович поднялся и, грузно опёршись большими кулаками на столешницу, подался к дочери. – Сообрази своим куцым умишком, когда я тебе злого желал?

– Никогда, – пролепетала Оливия, – только ласку видела от вас с маменькой.

– Тогда слушайся моей воли! Барановы согласны на то

скудное приданое, что мы с твоими братьями большими трудами скопили. Других дураков не сыщется! А замуж тебе надо идти, вот мой сказ.

Девушка встала, отступила на шаг и, теребя переброшенную на грудь светлую косу, возразила:

– Зачем же идти? Внуков вам Лида и Вера подарили. Глядишь, и братья жён себе найдут, фамилию продолжат. Отпустите в монастырь, коли куска хлеба для младшей дочери жалко.

– Как смеешь слова такие отцу говорить! – крикнул Дмитрий Петрович. – Никто тебя куском сроду не попрекал.

– К чему же тогда спешка? Дозвольте ещё обождать, может, кто другой на меня позарится. Хоть не из благородных или купцов. Разночинец или...

– Молчи, дурёха, – чуть мягче сказал отец, выходя из-за стола. Взял Оливию за плечи, сжал их легонько. – Не знаешь ты причины, а говорить её не смею. Запрет. Поверь родительскому слову. Надо тебе замуж, как только восемнадцать исполнится. Иначе потеряем мы тебя навсегда. Других желающих, окромя Баранова, нет, вот и приходится ему любимицу нашу отдавать. Но это лучше, чем в девках оставаться, поверь, доченька.

Оливия тяжело вздохнула, отводя глаза, и спросила:

– Когда сваты придут?

– В субботу после всенощной. Готовься, Олишка. Надобно красиво выглядеть. Бусы у матери спроси, что ещё не в

залоге. Припрятала она для тебя, знаю.

Девушка кивнула, не вымолвив ни да, ни нет, когда отец убрал руки с её плеч, поспешно вышла в коридор. Надо бы к матушке кинуться – поплакать, упросить её, взывая к женской жалости, чтобы сказала своё материнское слово, подействовала на мужа. Нечто она не знала, за кого батюшка думает младшую дочь отдать? Нечто не наслышана о его буйстве и подвигах? Борю Баранова не раз из околотка выкупали, частенько родня взятки давала судьям и отступные платила пострадавшим.

Разве не посочувствует Евдокия Васильевна дочери? Разве не вступится?

Мать нашлась в супружеской спальне. Она стояла на коленях в Красном углу и клала земные поклоны. Оливия вбежала в комнату и упала рядом, больно стукнувшись коленями, и тоже начала кланяться, шепча молитву.

Евдокия Васильевна, вычитав вечернее правило, протяжно охая, поднялась и печально посмотрела на дочь:

– Ну, что, милая? Сказал тебе отец?

– Матушка! – всхлипнула Оливия, обняла узкие материнские плечи, уткнувшись носом в её шею, вдохнула родной запах и захныкала: – Позвольте ещё немного пожить в дому! Не гоните на чужбину.

– Доченька, – со слезами говорила Евдокия Васильевна, глядя дочь по волосам шершавой ладонью. – Поверь, не желаем худого, о тебе печёмся. Нельзя не идти. Я вот Бога бла-

годарила за милость, что надоумил Барановых к тебе при-
смотреться, да посватать.

– Благодарила? – отстранилась Оливия. – Как же это?
Прибьёт меня Борька. Как пить дать прибьёт! Неужто такого
конца вы своей дочери желаете?

– Не страшись, милая, – сквозь слёзы улыбалась мать. –
Не посмеет. Я днём и ночью молиться буду, чтобы не обижал
мою любимицу этот ирод.

– Отпустите в монастырь, к матушке Прасковье! Я сама
за себя помолюсь и за вас тоже.

Девушка хотела насовсем в монашки уйти, но мать её не
поняла и радостно закивала:

– Хорошо придумала, дочка! Съезди, пожертвование от-
вези, я скопила малость, дам тебе, а ты нищих одари, да каж-
дому накажи молиться о благополучном твоём замужестве.
И Прасковье скажи, пусть Матерь Божию за крестницу про-
сит. Борька Баранов, хоть и шалопут, но не зверь ведь?

Кажется, Евдокия Васильевна себя хотела убедить, а не
Оливию.

Она же не стала разубеждать матушку, покорно кивнула:

– Хорошо. Завтра на зорьке и пойду.

– По тракту! – вдохновилась мать. – По тракту иди, гля-
дишь, кто и подберёт попутчицу. Пешочком-то далековато,
притомишься.

– Так и сделаю, – согласилась Оливия.

– Ну, иди, ложись. Ужинать всё одно нечем. Поговей. Пе-

ред причастием положено.

– Поговеею.

Евдокия Васильевна кинулась к иконам и вытащила спрятанный за образами кисет. Потрясла, звякая монетами, догнала дочь в дверях и сунула ей в руки:

– Возьми. На извозчика не трать, лучше нищим раздай.

– Спокойной ночи, матушка, благодарствуйте.

Оливия поклонилась и вышла из комнаты.

К себе девушка пробиралась, задевая все углы. Она прижимала к груди кисет с матушкиным пожертвованием и плакала от того, что ни мать, ни отец не захотели уступить её просьбе. Всю жизнь она была покорной дочерью, всегда почитала родителей, как того и требовала православная вера. За что же так жестоко с ней собираются поступить? Вспоминая долговязого парня с большой лохматой головой и плоским, изъеденным рябинами лицом, она дрожала от омерзения. Стерпится – слюбится? Да как такого полюбить? Был бы он хоть нравом кроток или сердце имел доброе. Так нет же! Вспоминались случайные встречи на базаре и на соборной площади: Младший Баранов, как правило, гоготал, указывая на спешащих проскользнуть мимо девиц и молодых, кричал им вслед и обещал друзьям:

– Эту завалю! И эту. А та ещё лучше! Всех городских красавиц попорчу, вот увидите!

«Ах, зачем это белое лицо? – грустно вздыхала Оливия,

глядя в зеркало. – Зачем приятные черты и густые пшеничные волосы? Была бы страшенькой, не позарился бы на меня этот шалопай».

Оглянулась на скрип двери, увидела Фёклу с большой кружкой и двумя ломтями хлеба на тарелке.

– Чего тебе, няня?

– Так вот, покушать принесла. Дуся говорит, на богомолье идёшь, ужинать не будешь...

– Не буду. Да и нечем вроде.

– Выпей, Олишка, простокваши! Натощак ведь трудно уснуть. А вставать рано придётся.

– Спаси тебя Господь, нянюшка, – улыбнулась Оливия, забирая из рук служанки тарелку и кружку. – Одна ты меня жалеешь.

– Не суди отца, птичка моя, – покачала головой Фёкла, – есть у него причина так поступать.

– Какая же?

– Не ведаю, но точно скажу, не так просто Димитрий Петрович всех дочерей из гнезда в осемнадцать лет выпускает. Ты у Прасковьи спроси.

– Хорошо. Спрошу. – Оливия села за стол и крикнула уходящей старухе: – Я никого не осуждаю. Просто боюсь.

Она говорила правду, страшно было оказаться во власти Борьки Баранова. Чувствовала, что папенькой похожий страх руководил, только в толк не могла взять, он-то чего боится? Думала, думала, спать не ложилась. И так прикиды-

вала, и эдак, по всему выходило, что нужно с крёстной посоветоваться, а потом и решать, как поступить. То ли домой возвращаться, помолившись, то ли трудницей в монастырь проситься, то ли... О плохом думать не хотелось, но злые мысли не давали покоя, настырно лезли в голову.

Уже полночь, когда все шумы в доме стихли, Оливия решила на всякий случай подготовиться к побегу. Так, чтобы домой возвращаться не пришлось, ежели в монастыре её примут. Собрала котомку в дорогу: милые дорогие сердцу безделушки, тёплые вещи: пуховую шаль, что сама вязала, чулки, юбку шерстяную, боты и накидку на случай дождя, две смены белья, ночную рубаху. Видел бы кто, сразу понял, что девица задумала. Мешок получился объёмный и тяжёлый, а захотелось ещё и книги любимые взять, и молитвенник, и помяник...

– Ох-хох... – вздохнула девушка, – не пустят меня из дому с таким багажом.

Схватила мешок, крадучись вышла из комнаты. Осторожно ступая, спустилась на первый этаж и замерла у входа в лавку. Прислушалась. Кто-то есть. Приоткрыла дверь, заглянула.

Харитон! Вот уж повезло! Константин бы ни за что не согласился помогать, больно правильный он, ничем не проймёшь, никакими слезами. А Харитоша добросердечный, понимающий.

Брат водил пальцем по амбарной книге и стучал костяш-

ками счётов. Хмурился – барыши не радовали. На сестрины шаги оглянулся не сразу, сначала записал что-то на бумажку. Оливия ждала, а когда Харитон посмотрел на неё, боязливо улыбнулась.

– Бежишь? – усмехнулся он. – Ладно-ладно, не скажу никому. Что нужно?

– Харитоша, – умоляюще пролепетала Оливия, протягивая ему мешок, – ты ведь рано встаёшь, вынеси за ворота.

– Что ж за ворота, – забирая вещь, покачал головой брат. – Иди на площадь, я тебе извозчика найму.

– Извозчика? – не поверила девушка. – Дорого.

– Сказано тебе! – нарочно сердито сдвинул брови Харитон. – Будешь брата слушать?

– Буду! Буду! – кинулась ему на шею Оливия. – Спасибо! На веки запомню доброту твою!

– Не ори, разбудишь весь дом, – отвернулся парень, пряча влажные глаза. – Как представлю, что этот Баран будет Олишку нашу лапать, выворачивает прямо! Уж лучше в монастыре подвизайся. Нас, грешных, отмаливай.

– Каждую минуточку, каждую секундочку буду за тебя Божию Матерь и святых отцов просить, братец.

– За всю родню проси, – подталкивая сестру к выходу, велел Харитон. – Батя тоже тебе зла не желает.

Вспорхнула девушка на второй этаж легко и бесшумно, словно была невесомой. Тут же разделась и забралась под одеяло. Последняя ноченька дома! Верилось, что так. Жал-

ко? Да, ноет сердечко. Но ведь не дадут ей тут дольше, чем до февраля пожить. На днях сосватают, потом обручение, а потом месяцы горьких слёз. Тут и родной дом тюрьмой покажется. А Борька ездить начнёт женихом. На гулянья таскать. Хвастать, какую красивую девку ему сосватали. И ведь правильно брат сказал, Баранов никогда кротостью не отличался, с грубыми ласками приставать станет, а это даже представлять противно было.

Коротка августовская ночь. Только-только сомкнула Оливия глаза, а уже яркие лучи в окно бьют, велят на богомолье отправляться.

Быстро собралась, умылась, попрощалась с отцом и матерью, поклонилась, прося благословения.

Догадывались Дмитрий Петрович и Евдокия Васильевна, на какой путь дочь благословляют? Невдомёк им было. Послушной Олишка росла, строптивости в ней никто не замечал. Где уж было смекнуть, что дочурка замыслила!

А она обняла каждого, даже Фёклу, назвав дорогой нянюшкой, прощения попросила, как перед причастием положено, да за порог вышла. Никто из домашних не предполагал, что Харитон ждёт её на площади, наняв извозчика и погрузив скудный сестрин багаж в пролётку.

Глава 2. Тайны монастыря и пророчество

С крёстной удалось поговорить только после службы. По приезде в монастырь Оливия только и успела – к ней келью забежать, да котомку свою там оставить. Матушка Прасковья торопилась в храм, где уже читали часы.

Хотя день был будний, и народу собралось не так много, как бывает на празднике, Оливию охватило радостное возбуждение, злые предчувствия отступили, оставшись за монастырскими воротами. Колокольный звон – мерные, сочные удары и перелив подголосков – очищал думы от наносного, мирского, бессмысленного. Ухоженные цветущие клумбы, чисто выметенные брусчатые дорожки, белые стены храмов и блестящие на солнце золотые купола создавали ощущение, что вот такой и должна быть жизнь: светлой, возвышенной, благодатной. Прихожане – знакомые и незнакомые друг с другом – неизменно кланялись, поздравляли, улыбались по-доброму, с блеском в глазах.

Именно в этом почти райском месте Оливия мечтала находиться. Даже краешком сознания она не хотела представлять, как вернётся в город, с покорностью примет отцовское решение и станет принаряжаться в ожидании сватов, посланных будущими родственниками. Не бывать этому! Раз нет

надежды на счастливую семью и любовь, она выберет путь Христовой невесты: трудом и молитвами постарается заслужить вечное блаженство.

Разговор с крёстной спустил девушку с небес на землю. Выслушав её, матушка Прасковья сердито загундосила – она простудилась и теперь пребывала в необычном для себя дурном настроении.

– Как же тебе в голову пришло такое, птичка! Нешто настоятельница позволит юной девице против родительской воли в монастырь поступить?

– Так зимой в совершенные лета вхожу!

– Всё одно. Мы с мирскими не станем из-за твоей блажи ссориться. Черникины раньше-то много жертвовали, это теперь обеднели. Но дело даже не в твоей родне. Другие купцы что скажут? Станут они монастырь поддерживать, если мы их дочерей сманивать станем?

– Никто меня не сманивал, матушка! – всхлипнула Оливия. – Замуж ведь меня отдать хотят, а жених таков, что лучше сразу в могилу, чтобы не мучиться.

– По губам бы тебя стукнуть за это! – возмутилась крёстная и попросила: – Давай-ка постоим, что-то тяжело мне.

Они успели выйти через боковую калитку за монастырскую стену и остановились на тропе, сбегаящей к запруде. Вид на просторные поля, серебристую речку, дальний лес и городскую окраину на горизонте казался Оливии самым лучшим, что ей доводилось рассматривать. Она благоговей-

но молчала, опасаясь ещё сильнее расстроить крёстную. Печально, что матушка Прасковья не прониклась сочувствием. А может, дело и не в ней, ещё раньше девушка слышала: при поступлении в монастырь нужно большое пожертвование делать, а без этого прямая дорога в вечные послушницы, которых привлекали к самым тяжким работам. Однако на это тоже требовалось согласие родственников, получить которое у Оливии надежды не было.

Молчали долго, несчастная паломница вздыхала и кусала губы, чтобы не разреветься прямо тут. Новых мыслей, как ей поступить, не возникало. Наконец вспомнила нянюшкин совет и, потеревив конец белого платка, спущенного с головы на плечи, спросила:

– Не прогневайтесь, матушка, если захочу одну вещь у вас узнать?

– Гнев – смертный грех, птичка. Что узнать собираешься?

– Почему Дмитрий Петрович дочерей сразу, как в совершенные лета войдут, замуж торопится отдать? Что там за пророчество?

– Пронюхала всё ж, – крёстная недовольно покачала головой, прокашлялась и только после этого снова заговорила: – Фёкла выдала?

– Жалеет она меня.

– Жалеет... Дура старая. Вот чего её Черникины в доме держат? Чтобы языком своим непривязанным болтала?

– Скажите же, матушка, Христа ради!

Прасковья Игнатъевна потёрла скрюченными пальцами глаза и переносицу, покачала головой и посмотрела на крестницу:

– От меня толку в этом деле немного. Могу только подтвердить: было Димитрию видение, аккурат после их с Дусей свадьбы. Советовался он с нашим старцем Савватием, тот ещё иеромонахом служил тут, уж после на скит удалился. Всего Димитрий рассказать даже супруге не мог, где уж другим. Вот только и знаем, что надобно ему дочек сразу замуж выдавать, а то потеряет совсем.

– Что значит «потеряет»? Помру я, что ли? – Оливия не хотела верить в такой поворот.

– Как это, объяснить не могу, птичка. Димитрий тогда не очень-то и расстроился. Знал, что дочки у него будут красивые да статные, не в кого уродинами пойти. Богатства было вдосталь, проблем с приданным не предвиделось.

– А после того, как Лидия замуж вышла, доходы в семье упали, а несчастья на купеческое дело обрушились лавиной.

– Верно заметила, птичка, – кивнула крёстная. – А уж как следующую дочь пристроили...

– Меня же – бесприданницу теперь никто, кроме Борьки Баранова, брать не хочет, – грустно покачала головой Оливия. Встрепенувшись, посмотрела на крёстную:

– Матушка! Прасковья Игнатъевна! Откройте, как бы мне точнее про батюшкино видение узнать?

– Вот упрямая какая! – монашка участливо погладила

крестницу по светлым волосам, едва заметно улыбнулась и посоветовала: – К старцу иди. Помнит он, не мог забыть.

– В скит?

– Туда.

– А не осерчает? Говорят, не любит он ходунов-то.

– Пустых не любит, которые за модой гонятся и подвижников навещают, чтобы хвастать своим благочестием. Если за делом придёшь, примет.

– Как же он узнает, за делом я или по моде?

– Узнает, птичка. Савватий такое знает, что нам с тобой и не представить. Сходи. Только потом ко мне возвращайся обязательно.

– Хорошо, матушка! – Оливия поклонилась крестной и побежала вниз по тропе.

Дорога к скиту вела через поле, потом петляла по лесу, обходя овраги. Оливия помнила её, они с Фёклой как-то навещали старца, девочке тогда лет десять было, но впечатление от седобородого старика со смеющимися ярко-синими глазами, одетого в простую белую рясу, осталось надолго. Вот и сейчас паломница радовалась предстоящей встрече, верила, что Савватий поддержит её и запретит Дмитрию Петровичу решать судьбу дочери столь жестоким образом.

Увидев крепкую бревенчатую избу на светлой полянке среди густого леса, Оливия сбавила шаг. Непонятная тревога охватила девушку. Словно кто-то шептал ей в ухо: «Зачем

идёшь, глупая? Али хочешь от старца епитимью получить? Не любит Савватий мирских, никто от него без наказания не уходит».

А ведь и правда, стоит приглядеться, какая нужда привела её сюда, и сразу станет понятно: гордыня, непослушание родителям, ненадеяние на милость Божию. На исповедь нужно идти Оливии, каяться, а не старца расспросами тревожить.

Остановилась около крыльца и всё: ни туда, ни обратно. Будто в землю вросла. Слушала, как ветер в кронах шепчет, как птицы щебечут, как шмели жужжат. А из раскрытого окна избы доносился тихий говор, словно там правило вычитывали. Неловко подвижника беспокоить, в самом деле, осерчает.

Заметив на крылечке плетёный короб, посетительница пошла, приподняла крышку, заглянула. Крынка молока, яйца, перья зелёного лука, холщовые мешочки, видимо, сухарики монастырские, а ещё большая просфора с вынутыми на литургии частичками. Это монашки старцу принесли, обогнав Оливию, пока она с матушкой Прасковьей беседовала. Знать, старец выйдет скоро, чтобы забрать подношение, тогда и можно будет броситься ему в ноги со своей просьбой.

Ждала девушка, набравшись терпения, а как услышала шаги, за угол забежала и притаилась. Вдыхала смоляной дух, прижимаясь к нагретым солнцем брёвнам, и пыталась унять разбушевавшееся сердечко, оно так сильно стучало, будто на волю хотело выскочить.

Дверь отворилась, шагнул кто-то на крыльцо и затих. Чуть погода раздался добрый немолодой голос:

– Чего прячешься? Выходи, знаю, что ты здесь.

Оливия показалась из-за угла, опустила взгляд и прошептала:

– Откуда же вы знаете, батюшка Савватий?

– Птички напели. Иди сюда, Олишка, помоги короб в горницу занести. Что-то у меня сегодня кости ломит.

Надо ж, и правда, знает, кто к нему идёт! Вот чудеса. Оливия подбежала к ступенькам, сложила ладошки, прося благословения. Савватий привычным движением поправил крест, висящий на толстой металлической цепи, осенил склонившуюся девицу крестным знамением и положил ладонь на её макушку.

– Так, значит, не хочешь замуж идти? – спросил строго, но светло, будто радовался, но хотел это скрыть.

– Не знаю, батюшка. За кого сватать намерены, боюсь идти, а других нету.

– Вот как... – старец убрал руку, распрямился и вздохнул. – Не приняла, получается, решения.

– Приняла, – упрямо мотнула головой Оливия. – За Баранова не пойду! Ежели родители не отступятся, хочу в монастыре остаться.

– Нет тебе места в монастыре, птичка, – грустно вымолвил старец. – Зайди в дом, обсудим твоё бытие.

Девушка подняла короб, внесла в дом и поставила на лав-

ку. Савватий предложил ей выпить молока с сухарями, а когда они потрапезничали и убрали всё со стола, велел рассказывать о себе.

– Что ж рассказывать, коли вы всё знаете, батюшка? – удивилась Оливия.

– Всё, да не всё. В голову я тебе не влезу, мыслей не прочитаю. По делам судить могу и только.

– А я ведь вас пришла спрашивать, а не сама говорить, – пожалала плечами девушка.

– Что же ты хочешь услышать, птичка?

– Матушка Прасковья намекнула, что моему отцу видение было сразу после свадьбы, теперь он старается дочерей поскорее замуж отдать. Я вот и сомневаюсь, правильно ли он истолковал то пророчество? Вы как думаете, батюшка?

– Я Димитрию не судья, птичка. Правильно или нет, одному Господу ведомо. А люди... Всяк по-своему рассуждает.

Оливия растерянно смотрела на старца, не совсем понимая, что ей теперь делать. Савватий встал и поманил девушку за собой к большой, написанной на потрескавшейся доске иконе, со словами:

– Помолимся, птичка, попросим прозрения нам обоим.

Отшельник опустился на колени, Оливия последовала его примеру, расположившись поодаль – так, чтобы видеть потемневший, едва различимый образ Спасителя и мерцающую лампадку перед ним. Савватий начал тихо и певуче говорить на незнакомом девушке языке. Коленам с непривыч-

ки было больно, мысли о мягком и тёплом коврикe поначалу отвлекали, вскоре молитвеница забыла о неудобствах – она напряжённо вслушивалась в речь Савватия, стараясь уловить смысл бесконечно длинных монотонных фраз, выискивая хотя бы отдельные знакомые слова. Через несколько тягучих мгновений мир изменился.

Келья старца исчезла, как и сама избушка, пропал августовский лес, Оливия оказалась далеко-далеко над бескрайним заснеженным полем, где стояла гигантская горящая свеча. Наблюдая картину сверху, как будто с небес, Оливия пыталась осмыслить суть странного видения. Зачем ей это? Внезапно свеча вспыхнула и рассыпала вокруг яркие искры. Там, где они падали, снег таял, открывая чёрную землю. Однако и этим дело не ограничилось, следующий сноп искр разорвал земную кору, демонстрируя скрытый под ней потусторонний мир. Хотелось кричать от ужаса, так сильно поразили девушку копошащиеся во тьме уродливые чудища. Они скалили клыкастые пасти, плевались огнём, глаза их сверкали как раскалённые угли, а длинные скрюченные когти рвали землю в тщетных попытках выбраться на поверхность.

Девушка отчётливо слышала грозное рычание и вкрадчивый шёпот. Одни монстры старались запугать её, другие, наоборот, упрашивали не брать на себя тяжкую миссию и жить как все люди, радуясь обычным вещам, не вступая в смертельную схватку с теми, кого никогда не одолеть.

Очнулась Оливия, лёжа на полу. Всё болело, в горле стоял ком, который невозможно было проглотить.

– Тише, тише, птичка, – упрасивал её Савватий, удерживая голову девушки на своих тощих коленях. – Очнись, Олюшка, всё позади. Ты сильная, им с тобой не сладить.

Постепенно спутанное сознание прояснялось, и стало понятно, что произошло: Оливию так поразило видение, что она упала на пол и билась всем телом о доски, а старец удерживал её голову, чтобы несчастная не нанесла себе вред.

Девушка села, потёрла ушибленные места и, справившись наконец с непослушным голосом, спросила:

– Вы тоже это видели?

– О чём ты, птичка?

– Ад. Подземное царство с чудовищами.

– Нет, это другое. Вставай, попробуем разобраться.

Савватий помог ей встать и, поддерживая под руки, довёл до скамьи. Оливия села, навалившись грудью на столешницу, опёрлась на неё локтями, обхватила ладонями тяжёлую голову и простонала:

– Батюшка, мне очень страшно.

Тёплая сухая ладонь легла ей на макушку, а ласковый голос окутал её светом и подарил надежду:

– Олишка, птичка, Господь посылает испытания по силам. Ты справишься.

– Не понимаю, батюшка, – качала головой Оливия, – почему я? Неужели мне уготована такая страшная судьба?

– Всем, кроткая, милая девочка, всем уготована страшная судьба. Нашу страну ждут испытания, многие святые встанут на защиту веры и самого существования России. У тебя на этом суровом пути особая миссия.

– У меня? – голос Оливии дрожал, ей трудно было дышать. – В откровении, которое открылось отцу, говорилось об этой миссии? Он хочет избавить меня от этого?

– Димитрий видел немного, поэтому пришёл советоваться со мной, мы с ним просили у Бога вразумления, и по великой милости получили его.

Оливия выпрямилась и, глубоко вздохнув, посмотрела в синие глаза старца:

– Существует возможность отказаться? – она шумно сглотнула и, с надеждой на лучшее, переспросила: – Существует?

– Да, птичка. Именно эту возможность пытается использовать твой отец. В пророчестве говорилось про их с Евдокией дочь, которая не выйдет замуж до девятнадцати лет. Этой девушке предстоит принять обязанности вратарницы.

– Кого? – удивилась Оливия, услышав незнакомое слово.

Савватий нахмурился и покачал головой, предлагая слушать и не перебивать.

– Тебе открылось ровно столько, сколько можешь вместить. Чудища, рвущиеся в наш мир, необычайно сильны и опасны. Когда тёмным силам удастся создать переход, к нам устремятся полчища монстров. Много жертв будет принесено.

но на алтарь зла. Горе коснётся каждого человека, каждой семьи. Слезы и стоны будут повсюду. Остановить это могла одна из вас. Лидию и Веру ваш отец уберёт, а четвёртой дочери у Черникиных нет. Если ты откажешься стать берегиней, мы все обречены.

Оливия отчаянно качала головой и сжимала пальцы в кулаки:

– Почему я? Почему только мы, неужели нет других... вратарниц?

– Тебе дана великая сила, птичка. Пока дар спит, но как только ты примешь своё предназначение сердцем, он откроется.

– Страшно, батюшка, – шептала Оливия. – Я не осилю. Можно мне просто вернуться домой?

Она теперь и не вспоминала о том, какая нужда привела её в монастырь, и зачем она кинулась к старцу. Несчастной девице хотелось оказаться в родном гнёздышке, запереться в своей комнате, спрятаться с головой под одеяло и забыть жуткое видение с горящей свечой и разверзнутой бездной.

– Ты свободна, птичка, – с болью в голосе сказал Савватий, – но я должен тебя предупредить. У твоего возвращения к прежней жизни будут последствия.

– Какие? – Оливия подняла на старца полные слёз глаза. – Я умру? Меня погубят в семье Барановых?

– О твоей судьбе в замужестве я ничего сказать не могу, а вот что касается Черникиных...

– Родителей? Братьев? – испугалась девушка.

– Видишь ли, птичка, пренебрегая предназначением, ты запустишь уничтожение своего рода.

– Как? – Оливия вскочила, прижала к груди ладони, повернулась к иконе и горячо взмолилась: – Этого не может быть! Нельзя, чтобы моя слабость привела к таким ужасным последствиям.

– Твой отец, птичка, тоже не верил, что погубит семью, спасая дочерей. Ты ведь знаешь, что случилось после замужества Лидии? Свадьба Веры усугубила ситуацию. У Дмитрия Петровича и Евдокии Васильевны осталась одна дочь и последняя возможность для спасения.

– Что вы хотите этим сказать, батюшка?

– Дерево, не давшее обещанный плод, будет срублено.

Оливия закрыла лицо ладонями, плечи её задрожали, раздались громкие всхлипывания и причитания.

Теперь Оливии открылся весь ужас её положения. Венчание с нелюбимым, даже вызывающим чувство омерзения человеком, отнюдь не самое страшное. Решившись на этот шаг, она погубит самых близких и дорогих её сердцу людей: отца, матушку, братьев – Харитона и Константина. Дмитрий Петрович готов был жертвовать ради спасения дочерей собой, супругой и сыновьями, но каково будет самой Оливии принять эту жертву? Каково ей будет жить, зная, что её малодушие погубило весь род, что братья не познали семейного счастья, что родители умерли в нищете и болезнях?

– Я не знаю, как поступить, батюшка, – не отнимая ладоней от мокрого лица, простонала Оливия.

– Срок ещё не наступил, птичка, – продолжая ласково гладить её по волосам, с улыбкой говорил старец, – помедли, поразмысли. После примешь решение.

– Как же после? – девушка посмотрела на Савватия, часто-часто моргая. – В монастыре остаться не позволяют, домой возвращаться нельзя, вот-вот сваты придут. Когда мне размышлять?

– Переночуй здесь, у меня. Утром посетители за благословением придут, с ними в паломничество отправишься, вот и будет время помолиться, вразумления у Господа попросить.

Оливия огляделась, увидела одну единственную узкую лежанку.

– Да где ж мне оставаться? Нет у вас места.

– Тюфяк на лавке, а чистую постель возьми в сундуке.

– А вы как же, батюшка?

– Молиться буду всю ночь. Не тревожься обо мне, птичка.

Отдыхай, сил набирайся.

Девушка поблагодарила Савватия, поклонилась ему и, сторбившись словно старушка, пошаркала в дальний угол. Сил едва хватило на то, чтобы расстелить две простыни и поверх второй раскатать шерстяное одеяло. Упав на лежанку, повозилась, устраиваясь хоть как-то, и уснула.

Спала измученная душевными тревогами девушка недолго – два или два с половиной часа. Но благодаря доброму благословию старца успела отдохнуть. Пробудившись, не сразу вспомнила, где находится. Лежала, всматриваясь в пляшущее пятно света и вслушиваясь в бормотание батюшки Савватия.

Ночь опустилась на скит, и студёный ветер зашептал среди сосен, словно предупреждая о надвигающейся беде. Старец сидел за столом, освещённым свечой, чей мерцающий тёплый свет отбрасывал на стены длинные, дрожащие тени. Постепенно вспомнилось всё: как пришла в скит за советом, как испугалась обещанных испытаний, как уснула на лежанке в дальнем углу. Дыхание было прерывистым, сон беспокойным, что неудивительно, ведь известие о высоком и ответственном предназначении стало для Оливии страшным ударом.

Савватий склонил голову, шепча покаянные фразы, он признавал себя немощным и недостойным рабом, потому что не сумел объяснить несчастной девице неотвратимость её согласия на подвиг берегини этой земли.

Сердце колотилось в груди Оливии, словно предчувствуя опасность. Она жалела себя, волновалась за родню, сочувствовала отшельнику и никак не могла принять решение: следовать определённом свыше долгу или свернуть с опасного пути. Вдруг тишину прорезал зловещий шорох – тени за окнами начали сгущаться, словно живые, меняя форму,

издавая приглушённые стоны, похожие на шёпоты заблудших душ. Свершилось! Тёмные силы почуяли опасность и не стали откладывать нападение на будущую вратарницу – ту, которая способна запретить чудовищам прорваться из потустороннего в верхний мир.

Савватий встал, вскинул седую голову, его глаза загорелись внутренним светом. Он поднял крест, и голос его зазвучал, тихо, но уверенно читая молитву, слова которой вибрировали в воздухе, словно невидимый щит. Огонь свечи стал ярче, распространяясь по комнате. Темнота за окнами скита сгушалась, как живая. Из чёрного чрева вырвались страшилища – искажённые тени, чьи формы клубились и уплотнялись, напоминая смесь дыма и чёрной смолы. Их тела извивались, менялись, иногда напоминая когтистые лапы, иногда – длинные щупальца с острыми, как бритва, кончиками. Глаза чудовищ горели жутким красным светом, пронизывающим душу холодом и ужасом.

Слуги тьмы ворвались в келью с шипением и глухим стуком, будто падающие на пол обуглившиеся балки. Несколько чудищ устремились к Савватию, упорно прорываясь сквозь его молитвы и священные слова. Они хватили старца когтищами, обвивая и сжимая, словно тёмные змеи, пытаясь лишить дыхания и силы. Оливия пряталась в углу, её тело дрожало, сердце билось так громко, что казалось, его слышат даже за пределами скита. Глаза девушки широко раскрылись от ужаса – ей впервые в жизни показались не просто тени, а

живые воплощения ночных кошмаров, посланные из глубин ада. Она чувствовала, как холод проник в каждую клетку, словно сама смерть нависла над ней.

Особенно страшно стало, когда чудовища навалились на Савватия. Они рвали одежду старца, плевались огненной слюной, рычали и шипели. В какой-то момент Савватия стало швырять из стороны в сторону, будто неведомая сила схватила его, подняла в воздух и теперь забавлялась, играя телом старика как мячиком. Подвижник терпеливо сносил издевательства, не переставая произносить молитвы и ограждая крестом дальний угол, где пряталась его гостья.

Глядя на старца, который не сдавался, не отступал, несмотря на боль и усталость, Оливия осмелела. Страх не исчез, но в сердце зародилась отвага – тихое, но твёрдое пламя, готовое разгореться. Девушка шагнула вперёд, и её руки начали светиться мягким голубым светом, словно откликаясь на древнюю силу, скрытую в её крови. Ещё не владея своим даром, но переполняясь решимостью помочь Савватию, юная берегиня резко выбросила вперёд руки, направив сверкающие голубым светом молнии в гущу клубящихся теней – прорву, из которой продолжали выползать чудовища. Ответом стал рёв тысячи мерзких глоток, захлебнувшийся в ту же секунду и превратившийся в жалобный скулёж.

Старец заметил это и, едва улыбнувшись, кивнул ей, призывая не бояться. Он поднял крест и продолжил читать молитвы, его голос звучал как гром среди шторма, разрывая

тьму и сковывая чудовищ невидимыми цепями света. В каждом слове была сила, накопленная веками, и каждое слово отбрасывало назад нападавших. Оливия, вдохновлённая примером старца, начала повторять молитвы, её свет усиливался, словно поддерживая и укрепляя Савватия. Вместе они стали стеной против тьмы – старец с крестом и молитвой, девушка с пробуждённой силой и решимостью. Страшилища извивались и шипели, но, потеряв связь с изначальной тьмой, не могли пробиться сквозь яркий свет, который исходил из сердца скита, от двух людей – тех, кто не боялся встретить тьму лицом к лицу. В этой битве зарождалась новая надежда, и Оливия осознала: она способна идти дальше, помогать и защищать, несмотря на страх и неизвестность. Всё, что для этого требуется: решимость и поддержка Света.

Тени за стенами скита не желали отступать, они принимали пугающие формы – искривлённые силуэты с горящими глазами, шевелящиеся, словно дым или жидкая тьма. Они касались окон, скребли по стёклам когтями, не оставляя попыток проникнуть внутрь. Чтобы помешать им, Савватий совершил крестный обход, окропляя святой водой каждый уголок, и слова акафиста звучали как цепи, связывающие и сдерживающие зло. Ветер за окном усилился, завывая и поднимая листья, будто сама природа содрогалась от борьбы. В кульминационный момент старец вознёс руки к небу, произнося заклинание, передаваемое подвижниками веры из поколения в поколение. Свет вокруг скита вспыхнул ярче солн-

ца, и тени рассеялись, как дым под порывом ветра. Тишина вновь воцарилась, и в окне мелькнула светлая птица – знак защиты свыше. Савватий опустился на колени, благословляя Оливию, чьё сердце теперь наполнялось верой и силой. Эта ночь стала её первым испытанием – пробуждением дара и началом пути, освещённого светом и надеждой.

Глава 3. Недолгое паломничество

Оливия не помнила финал битвы с порождениями тьмы.

Бесконтрольный всплеск магической энергии опустошил её. Савватий ещё молился и кропил келью святой водой, а девушка упала на лежанку и забылась. Даже не заметила, что в тот момент, когда она вскочила, испугавшись нашествия чудовищ, одеяло сползло на пол, да так и лежало кулем. Старец, завершив благодарственные молитвы, подошёл к свернувшейся калачиком берегине, поднял одеяло и накрыл девушку,

верное решение, да не оставит тебя воинство небесное без защиты!

Слышала она его слова или они ей приснились, однако именно эти молитвы принесли её душе мир, будто благодать коснулась, унося прочь тревоги и сомнения.

Пробудилась девушка около полудня. Лежала, слушала, как старец беседует на крыльце с благочестивыми посетителями. Голос его был добрым, спокойным, без малейших признаков тревоги или усталости. Будто и не случилось ночного сражения, будто не занимала берегиня единственную в избе лежанку, будто Савватий не просидел остаток ночи за столом, охраняя сон Оливии и размышляя о судьбах мира, а также о коварных замыслах тёмных сил.

Девушка встала, поправила, насколько возможно, свою измятую одежду, переплела косу и подошла к раскрытой двери. В проёме виднелась только сгорбленная спина старца, зато слышно было хорошо. Несколько голосов наперебой благодарили батюшку Савватия и обещали дождаться его духовную дочь – не покидать монастырь без неё.

«Уже всё решил, – грустно вздохнула Оливия, понимая, что после пережитых событий не может не послушаться батюшкиного совета, – значит, так тому и быть».

Крестный ход по трём монастырям был немногочисленным, дорога дальняя, не всякий выдюжит. Шли с молитвами, песнопениями, в каждом селе около храма совершали молебен. Ночевали в поле. Оливия сто раз похвалила себя за

предусмотрительность. Мешок оттягивал плечи своим немалым весом, тонкие верёвки даже через кофту натёрли нежную кожу девушки, но без шали, накидки от дождя и удобных башмаков она бы точно замёрзла, промокла или сбила ноги в кровь. Хотя нужно отдать должное спутникам, о юной паломнице многие заботились и старались ей угодить, помня, что сам Савватий просил за барышню. Оливию приняли за благородную, относились к ней уважительно, обращались по имени отчеству, а между собой шептались, рассуждая: какой такой грех замаливает девица, и когда успела нагрешить. Девушка никого не разубеждала, чужих разговоров не слушала, шла, погрузившись в собственные печальные размышления.

Заминка вышла в деревне с говорящим названием Шальные Дворы. Толпа горластых мужиков собралась на пути к речушке, они потрясали выдернутыми из оград кольями, не пуская паломников дальше.

– Чего хотят эти люди? – спросила Оливия щупленькую но очень шустрюю бабульку по имени Павла, которая преимущественно шла рядом с ней и частенько давала неопытной молитвеннице разъяснения по тому или иному поводу.

– Так ясно чего, – посмеивалась старушка. – Плату требуют.

– За что? – удивилась девушка.

– Известно, за проход по мосту. Ихний он считается, ремонтируют каждую весну, как половодье попортит.

– Так надо заплатить.

– Ишь ты! – недовольно зыркнула Павла. – У тебя никак деньги лишние? – Увидев, что девушка отрицательно качает головой, старушка снова улыбнулась и утешила её: – Поорут и пустют, куда им деваться.

Противостояние затягивалось. Особенно активные паломники произносили вразумляющие строптивцев речи, осеняли ретивых противоборцев крестным знаменем, даже кропили святой водой, но жители Шальных Дворов не спешили расходиться, считая, что вправе нажиться на празднующихся богомольцах.

– Разойдись! – послышался за спинами паломников грозный окрик и стук копыт.

Опытная Павла схватила Оливию за рукав и проворно оттащила растерявшуюся девушку на обочину. К ним приближался блестящий экипаж, запряжённый парой гнедых лошадей.

Кучер привстал на козлах, натягивая вожжи. Лошадиная морда, а потом потный блестящий бок и круп прошли на расстоянии вытянутой руки от паломниц.

– Спаси Господи вас, бабушка, – испуганно прошептала Оливия, продолжая пятиться.

Мимо них проехала карета, через её окно девушка успела заметить благородного молодого человека.

– Это графа Вязьмитинова племянник, – пояснила Павла, – Николая Владимировича. Добрейшей души человек.

Сейчас пустют нас, вот увидишь.

Оливия не поняла, кого именно старушка назвала добрейшим – неведомого ей графа или его красивого племянника – но уточнять не стала. Карета замерла чуть впереди. Путешественник вышел размяться и крикнул кучеру:

– Сходи-ка вперёд, Кузьма. Заплати мужикам.

– Как же, барин? – недовольно бурчал тот, нехотя слезая на землю. – Надо бы поднажать, да и делов! Кто не успел увернуться, сам виноват.

– Сходи, Кузьма, не спорь. Да чтобы всех пропустили, не только нас.

– Ладно, барин, воля ваша.

Продолжая хмуриться, Кузьма пошагал в голову колонны, а его господин обвёл весёлым взглядом кланяющихся крестьян. Заметив Оливию, подошёл к ней и, щёлкнув каблуками, коротко кивнул:

– Мичман Алексей Алексеевич Матвеев. Позвольте полюбопытствовать, барышня, какими судьбами прекрасная лилия попала в этот чудный букет полевых цветов?

Девушка смутилась. Ей очень хотелось лучше рассмотреть одетого в модный костюм молодого мужчину, ей очень нравилось мужественное и вместе с тем располагающее лицо, умные глаза, густые русые волосы, но она решилась на один-единственный короткий взгляд и опустила глаза, делая книксен:

– Оливия Дмитриевна Черникина.

– А не тот ли это знаменитый Черникин, которого в последние годы преследуют неудачи? Не затем ли вы идёте по монастырям, чтобы вымолить у Господа милости для семейства?

Оливия отрицательно покачала головой, не желая обсуждать с первым встречным горести, свалившиеся на её семью.

– Старец Савватий благословил посетить селение Баяки. Эти люди любезно согласились терпеть моё присутствие по пути в монастырь.

– О! – радостно воскликнул офицер. – Баяки! Они находятся неподалёку от поместья моего дядюшки. Нам по пути, барышня. – Он церемонно поклонился и предложил: – Умоляю, составьте мне компанию. К вечеру мы будем в гостях у графа Вязьмитинова, обещаю вам самый радушный приём. Завтра, если соизволите, мы вместе прогуляемся в Баяки, как велел вам старец.

Оливия растерянно посмотрела на паломников, которые уже тронулись в путь. Кузьма успел договориться с жителями Шальных Дворов и спешил обратно.

– Поезжай, дочка! – с улыбкой посоветовала Павла. – Нам-то ещё сутки топать.

Соблазн был большим. Оливия с непривычки устала бесконечно брести по пыльным дорогам, кроме того, молодой граф ей приглянулся, расставаться с ним не хотелось. Услышав о её согласии, Алексей Алексеевич не скрывал радости. Он помог девушке снять заплечный мешок, подал ей руку,

а когда Оливия забралась в карету, сел и сам. Они расположились напротив друг друга. Видя смущение и растерянность барышни, спутник пообещал не задавать ей лишних вопросов, а чтобы скрасить путь стал рассказывать о морской службе, о странах и городах, где успел побывать. Девушка слушала и удивлялась: насколько интересной, оказывается, может быть у людей жизнь.

К поместью графа Вязьмитинова они подъезжали в шесть часов пополудни. Когда карета миновала ограду и покатила по подъездной аллее, незваную гостью охватило волнение. Оливии прежде не приходилось посещать аристократические дома. Даже липовая аллея из стройных высоких деревьев показалась девушке волшебной. Что говорить о раскинувшемся впереди трёхэтажном особняке? Выкрашенные в жёлтый цвет стены, белые колонны, бесконечные ряды окон и необыкновенно изящные скульптуры на широком крыльце выглядели идеально. В таком прекрасном месте могли жить только хорошие и талантливые люди.

Спутник заметил состояние девушки, бережно взял её руку, слегка пожал, ободряя, и улыбнулся:

– Граф Николай Владимирович – необычайно добрый и скромный человек. После гибели жены и дочери он ведёт уединённый образ жизни, только я иногда его навещаю.

– Мне очень неловко беспокоить вашего дядюшку, – пролепетала Оливия. – Племянника он ожидает, а я свалюсь

как...

– Могу представить вас невестой, – предложил офицер, – если вам так будет проще.

– Нет! Что вы! – вспыхнула девушка. – Это совсем не годится.

– Тогда расскажем, как есть.

– Лучше, как есть, – согласилась Оливия. – Только я вас очень прошу, если возникнет неловкость, сразу же дайте мне знать. Я уйду.

– Куда же?

– Попрошусь на ночлег в ближайшей деревне.

– Вряд ли это понадобится, – твёрдо заверил девушку Алексей.

Отзыв молодого графа о дядюшке полностью соответствовал первому впечатлению, которое произвёл на гостью встретивший их сорокапятилетний мужчина. Николай Владимирович Вязьмитинов сохранил военную выправку, хотя два года назад ушёл в отставку. Внешне они с племянником были очень похожи, сразу чувствовалось кровное родство и порода. Всё, что отличало старшего графа от младшего, – взгляд. Племянник, даже когда был серьёзен, смотрел с огоньком, с верой в лучшее. А в глазах дядюшки плескалась неизбывная боль. Это при том, что приезд Алексея его заметно обрадовал. Незнакомка, подобранная гостем по дороге, не вызвала отрицательных эмоций, напротив, Николай Владимирович встретил девушку с провинциальным ра-

душием, заверил её, что будет очень рад, если она останется в поместье так долго, как будет необходимо.

Шустрый розовощёкий паренёк помог Оливии найти выделенную ей комнату, донёс её немного численные пожитки. Звали служку Фролом, пока они с Оливией шли на второй этаж, в самый торец здания, он успел показать, где господа обедают, где находится библиотека, а где гостиная с белым роялем, на котором когда-то музицировала дочь Николая Владимировича – Гликерия.

– Божественно играла! – закатывал глаза Фролка, – я ещё маленьким был, матушке своей покойной помогал, так бывало прокрадусь, за занавеской спрячусь и подслушиваю. Молодой графине великое будущее обещали, жаль, что погибла.

– А что произошло? – Оливии неудобно было расспрашивать хозяина о случившемся горе, вот и поинтересовалась у слуги.

– Так ведь гастролировала она в Европе. Матушка графиня настояла, хотела, чтобы талант Гликерии за рубежом оценили. А там поезд с рельсов сошёл, вот обе и погибли. Хозяин тогда на Кавказе служил, так даже на похороны не успел, только могилу смог навестить. С тех пор на праздники поминание заказывает и щедрую милостыню раздаёт.

С этими словами Фролка распахнул дверь и поклонился, пропуская девушку в комнату. Сам зашёл следом и спросил:

– Вещи сами разложите, госпожа, или Пантелеевну позвать?

– А кто здесь раньше жил? – Оливия осматривалась, не ответив на вопрос.

– Гликерия Николаевна и жила. Вы не думайте, её вещи давно раздали, здесь вот только, – парнишка указал на шифоньер, – те, что они с матушкой-графиней в Париже купили, да домой послали. Не распакованы даже. Его милость распорядился, чтобы вы себе забирали, что приглянется, – Фролка потряс мешком путешественницы, поясняя, – туточки больно мало для госпожи.

Оливия, державшаяся всё это время, обессилила и опустилась на стул около небольшого фортепиано. Покачала головой и прошептала:

– Как-то это всё неправильно...

– Отчего же? – удивился служка. – Зачем добру пропадать, за него деньги плачены. Но ежели хотите, скажу графу, что вы отказались. Он вам всё новое купит.

Девушка задрожала, кусая губы. Не представляла, как ей себя вести. Нового ей и дома давно уже не покупалось. Старшие сёстры отдавали свою одежду, в которую после родов не влезали. Этими подачками и довольствовалась. Обувь тоже доставалась от них – либо немодная, либо неудобная. Олишке всё годилось. Она почувствовала, как защекотало в носу, и стала тереть пальцами глаза.

Паренёк, видя, что ненароком огорчил госпожу, поспешил ретироваться, обещая прислать-таки Пантелеевну. Ей оказалась внушительного вида бабёнка, заведующая поряд-

ком в комнатах. Она мигом определила причину растерянности барышни, махнула рукой и сама начала распаковывать свёртки.

– Да кому же польза от этих нарядов, коли они тут лежат? А ты, милая, хрупкостью очень на графинечку похожа. Считай, подарила тебе Гликерьюшка всё это богатство. Носи да молись за неё горемычную и за матушку Аглаю Андреевну, упокой Господь их души.

– Что если Николаю Владимировичу неприятно будет... – сомневалась Оливия.

– Раз позволил брат, бери, не мудрствуй, барышня! Наш граф за долг почитает неимущим помогать, особенно тем, кто с особенными трудностями столкнулся. А упорствуешь ты из гордыни, что грех большой. Вот и весь сказ!

Пантелеевна говорила с такой силой убеждённости, что спорить с ней было невозможно, тем более что Оливия никогда спорщицей не была, напротив, ко всякому прислушивалась и каждому старалась угодить. Пришлось и в этом подчиниться, да Бога за милость благодарить, что послал ей на пути таких сердечных и щедрых людей.

С помощью говорливой Пантелеевны гостя успела и помыться, и приодеться, и причесаться, к ужину вышла свежей и благоухающей, словно не было у неё за спиной трудного пешего пути из одного монастыря в другой.

Мужчины беседовали в столовой и оба поднялись навстречу входящей гостье с улыбками на лицах.

– Ах, барышня! – воскликнул Алексей. – Как вам к лицу!

Примите мои восторги.

Он подошёл и поцеловал Оливии руку, невероятно её смутив. Николай Владимирович тоже выглядел довольным и благодарил племянника за то, что привёз в поместье такой удивительный цветок.

– Оставайтесь здесь, Оливия Дмитриевна, – убеждал гостью хозяин, после того как выслушал её историю о нежеланном замужестве и благословении старца. – Деревня Баяки тут неподалёку, хоть каждый день ходите. Пока не станет ясно, зачем Савватий вас туда направил. А жить удобнее в поместье. Я только рад буду такому обществу.

– Разве ж это удобно? – сомневалась девушка. – А что в свете станут говорить?

– А что говорить? – печально покачал головой граф. – Дочери у меня больше нет, вот и будете вместо неё, объявлю вас своей воспитанницей. А соберётесь замуж, приданое за вами дам достойное.

– Нельзя мне замуж, Николай Владимирович. Старец сказал, что семья погибнет, если я от своего предназначения откажусь.

– Тогда будем мы с вами два одиночества, – граф посмотрел ей в глаза, – можете во всём на меня рассчитывать, голубушка. Любую поддержку обещаю.

– Благодарствуйте, – поклонилась ему Оливия. – Не знаю, смогу ли хоть малую толику вашей доброты оправдать, но я

постараюсь.

– Живите здесь, вот и довольно будет, – ответил ей Николай Владимирович.

Расставаясь на ночь, Оливия и Алексей условились утром отправиться в Баяки. Молодой граф уверял, что с удовольствием прогуляется и составит барышне компанию. К тому же и Николай Владимирович на этом настаивал. Пока Оливия не освоилась в незнакомых местах, одной ей гулять не стоит.

Ночь выдалась удивительная. Оливии снилась прежняя хозяйка этих комнат. Гликерия, очень похожая на свою фотографическую карточку в альбоме, смотрела с грустью, вздыхала и просила не огорчать папеньку. Сама она горевала, что не может вернуться в родной дом, хотя и очень этого хочет.

– Ведь я не помню ничего, – раз за разом повторяла Гликерия. – Всю прежнюю жизнь после той катастрофы забыла. Только в глубоком сне могу дома побывать, да на отца посмотреть. А как глаза открою, прошлое чёрной пеленой покрывается.

Она прохаживалась по комнатам, открывала фортепиано, перебирала клавиши, потом смотрела в окно на липовую аллею, потом снова убеждала Оливию с любовью относиться к Николаю Владимировичу, жалеть графа и скрашивать его дни, ведь он вдовец и не знает, где оказалась его дочь.

– А где вы сейчас, Гликерия Николаевна? – опасливо спрашивала гостя.

Ей очень не хотелось услышать «в могиле» или «на том свете». Вместе с тем, она понимала, что другого ответа погибшая дать не может. Сбившаяся, но вместе с тем такая реальная, казалось, девушка, молча качала головой, как будто и для неё самой нынешнее положение оставалось тайной.

Когда грёза растаяла, Олишка не сразу открыла глаза, ждала ещё чего-то, хоть какой-то ясности, мало-мальски понятного объяснения. Из коридора доносились шумы: там ходили, переговаривались, двигали что-то тяжёлое. Осознав, что продолжения сна не будет, Оливия сладко потянулась, встала и выглянула в окно. В тени лип увидела бегущего Алексея. Молодой человек остановился перед крыльцом, принялся делать гимнастические упражнения. Им можно было залюбоваться! Лёгкий костюм, не стесняющий движений, позволял рассмотреть бугрящиеся мышцы, а сосредоточенное выражение лица свидетельствовало о мыслительном процессе: граф Матвеев не просто занимался, он о чём-то размышлял.

От наблюдений Олишку отвлёк осторожный стук в дверь.

– Кто там?

Едва слышно скрипнули петли, в приоткрывшуюся щель просунулось виноватое лицо Пантелеевны:

– Мы разбудили вас, барышня? Николай Владимирович велели комод вам в спальню поставить. Потащили, не поду-

мав...

– Ничего страшного, я уже проснулась. Доброе утро, Пантелеевна!

– И вам добренького утра, барышня. Помочь вам одеться? Алексей Алексеевич сказали, что после завтрака пойдёте на променад.

– Да? Ничего, я сама оденусь.

– Ну, как знаете. Завтрак через четверть часа подадут.

Добрая служанка скрылась за дверью, Оливия улыбнулась, вспомнив, как приятно чувствовать заботу. В прежние времена в доме Черникиных были горничные и кухарка, а ещё батюшка нанимал для девочек учителей. Сыновья окончили гимназию. С тех пор прошло достаточно времени, чтобы привыкнуть обходиться без прислуги.

За завтраком Оливия чувствовала себя напряжённой, она всё никак не могла прогнать ощущение неопределённости, оставшееся после пробуждения. Не терпелось рассказать о приснившейся Гликерии её отцу, но страшно было беречь его рану, которая, как можно было заметить, ещё не затянулась. Однако и промолчать было сложно, решила посоветоваться с Алексеем, племянник знал дядюшку давно и лучше представлял его реакцию.

Прогулка в Баяки не прояснила Оливии особенностей будущего служения. Деревня выглядела рядовой, такой же как тысячи других по губернии, где были довольно крепкие хозяйства. Граф Матвеев рассказывал, что благодаря удобно-

му расположению на реке, жители сдают перекупщикам рыбу, мясо, хлеб. Кто побойчее, обходятся без, маклаков, прасолов, сводчиков, а самостоятельно возит продукцию в губернский город на ярмарку. Оливия расспрашивала встречаемых матрон о необычных явлениях, не случилось ли в округе чего-нибудь странного и необъяснимого. Услышала в ответ обычные пугалки про то, как вредничают домовые, дурачатся леший и шалит водяной. Чудища и страшилища – «слава тебе, Господи» – никому из деревенских не встречались.

Алексей поговорил с косарями, с пастухом, даже к старосте во двор заглянул и поинтересовался у немолодого, но подвижного дядьки всё ли тихо-спокойно в Баяках, не вредят ли жителям потусторонние силы. Крестьяне отвечали уважительно, на беды и напасти не жаловались, удивлялись, что господин беспокоится за простой люд, благодарили. А сами, наверняка, стоило отойти, качали головами, с мыслями, что барам совсем заняться нечем, маются от безделья, да других отвлекают.

Погода стояла пасмурная, от реки тянуло прохладой, прошлись вдоль берега да повернули обратно в графское поместье.

– Что-то вы печальны, Оливия Дмитриевна? – посочувствовал провожатый. – Огорчились, что ничего нового не выяснили?

– Совсем нет, – вздохнула девушка, – я рада, что пока эти места не столкнулись с ужасами. Значит, будет время подго-

товиться. Савватий обещал сообщить мне подробности, когда сам что-то узнает.

– Как сообщить? Письмом?

– Этого я не знаю. Не думаю, что письмом. У святых отцов другие способы общения.

– Вещие сны? – лукаво подмигнул Оливии офицер.

Она остановилась и строго посмотрела на него:

– Вот вы шутите, Алексей Алексеевич, а я так и не решаюсь рассказать вам про нынешний сон. Не хочется, чтобы вы посмеялись надо мной.

Молодой граф сразу стал серьёзным:

– Страшный сон? Поделитесь, я не стану ёрничать.

– Страшного ничего не было, – задумчиво покачала головой девушка. Она присела, сорвала ромашку и начала отрывать лепестки, будто гадая: надо ли поделиться с Алексеем удивительным видением, или нет.

Офицер отнял у неё цветок, отбросил в сторону и бережно сжал руки Оливии в своих ладонях:

– Умоляю, расскажите всё, я чувствую, что это важно.

Она кивнула, закрыла глаза и, забыв отнять у молодого человека свои руки, пересказала свой сон во всех подробностях.

– Она была совсем-совсем живой, граф! Очень страдала, что не знает как вернуться домой. Будто помнит о родине исключительно в глубоком сне, а пробудившись, живёт чужой жизнью.

– Как странно...

– Я побоялась рассказать об этом Николаю Владимировичу. Вдруг это всколыхнёт его ещё не утихнувшее горе.

– Вы всё правильно сделали, Оливия! – воскликнул офицер и тут же исправился: – Оливия Дмитриевна, простите, я взволнован.

– Что вы, Алексей Алексеевич! – улыбнулась девушка. – Я выросла в простой обстановке, а последние годы практически в нищете. Привыкла, что все называют меня по имени.

– А в семье как к вам обращаются?

– Олишка. Или птичка.

– Птичка, – лицо Алексея озарила счастливая улыбка. – К вам очень подходит. Позвольте и мне так вас называть?

– Извольте, если желаете.

– А вы меня Алёшей. Договорились?

– Что вы! Я не смею...

– Хотя бы когда мы одни. Пожалуйста!

– Хорошо, Алёша. Так что нам делать? Вы, как племянник, сможете заронить графу мысль поискать следы Гликерии?

– Не уверен, что это не принесёт вреда. Лучше сделаем так: я подниму все возможные связи, постараюсь раздобыть всю информацию о той аварии, узнать о судьбе выживших. Быть может, сумею найти следы девушки примерно того же возраста, потерявшей память.

– Вы хотите заняться розысками, а уже потом, когда что-

то станет известно, рассказать Николаю Владимировичу?

– Верно. Мой приятель по гимназии живёт в Париже, я сегодня же напишу ему и попрошу просмотреть газеты за тот период и найти статьи, где говорится о поисках родни потерпевших.

– Допускаете, что сообщение о смерти Гликерии было ошибочным?

– Вполне. Дело в том, что трупы опознавали по документам. Их нашли в сумке Аглаи Андреевны. В суতোлке вполне могли принять изуродованное тело молодой девушки за её дочь. В то время как Гликерия...

– Например, беседовала с попутчиками из другого купе.

– Или пошла к проводнику с каким-нибудь вопросом.

– Как было бы хорошо найти её живой!

– Не будем радоваться преждевременно, птичка, – улыбнулся девушке Алексей, – но надежда есть. Я тоже верю вашему чудесному видению и почти не сомневаюсь, что кузина жива.

Глава 4. Жизнь в имении и первые видения

Отъезд Алексея Алексеевича из имения дядюшки огорчил всех. Казалось, источник оптимизма и надежды, бивший все эти дни, оживлявший и освежавший душную августовскую атмосферу, внезапно иссяк, заставляя оставшихся в особняке мучиться жаждой. Прощаясь с Оливией, молодой граф обещал часто-часто, насколько это возможно, присылать ей письма и просил отвечать хотя бы на каждое четвёртое.

– И коротайте время за книгами, милейшая Оливия Дмитриевна, – наставлял он, перебирая книги на письменном столе, – дядина библиотека – предмет зависти всех окрестных помещиков. Кстати, я привёз ему в подарок «Похождения Жиль Блаза из Сантьяны» французского писателя Алена Рене Лесажа. Этим романом зачитываются все!

– Но я не знаю французского, – покачала головой девушка.

– В таком случае могу посоветовать «Ивана Ивановича Выжигина»! Осторожный Булгарин учёл ошибку Василия Трофимовича Нарезного – автора «Российского Жилблаза», яростно ругавшего масонов, чем взбесил самого графа Разумовского. Фаддей Венедиктович ограничился мелоча-

ми: пьянством, развратом и взятками. Первое издание «Выжигина» расхватили за неделю, пришлось печатать второе. Более того, в переводах этот роман разошёлся по Европе.

– Благодарю за советы, Алексей Алексеевич, но не уверена, что хочу читать про пьянство и разврат.

– Хорошо, кажется, я понял ваши вкусы, барышня. В таком случае предлагаю вам первый исторический роман России – сочинение Загоскина, которого, между прочим, хвалил сам Пушкин!

– И о чём там говорится? – заинтересовалась Оливия.

– Сюжет – не оторвётесь! Польский подданный влюблён в русскую боярышню, которая отвечает на его чувства взаимностью, но сосватана другому. Роман отлично передаёт исторический колорит, там нашлось место большой политике, скандалам, интригам, дружбе и вражде высшей пробы.

– Обязательно почитаю, – кивнула девушка, заранее сочувствуя героине, которую просватали против её воли.

– Барин! – в библиотеку заглянул Фролка. – Экипаж заложили, багаж погрузили, Николай Владимирович говорит: пора ехать.

– Иду! – отозвался Алексей, не оборачиваясь, а когда служка убрался за дверь, посмотрел на Оливию, став вдруг печальным: – Так не хочется расставаться с вами, птичка моя.

Девушка подняла на молодого графа полные слёз глаза, мигом позабыв и разговоры о литературе, и неловкость, ко-

торую часто испытывала рядом с блестящим офицером.

– Я буду скучать, Алёша, и ждать ваших писем.

– Позвольте поцеловать вас на прощание?

– Ах! – испугалась Оливия. – Это неправильно! Я вам не ровня, граф!

– Пустое! – Алексей решительно шагнул вперёд, крепко обнял её и долго, сладко целовал.

Едва получив свободу, девушка отшатнулась и, борясь с головокружением, ухватилась за край столешницы. Оливия чувствовала, как побагровели её щёки – кровь прилила к лицу. Понимала, что надо что-то сказать, убедить графа в том, что он ошибочно принял её симпатию за нечто большее, но не смогла вымолвить ни слова. Лишь отрицательно покачала головой в ответ на вопрос, соблаговолит ли птичка выйти на крыльцо и помахать вслед уезжающему офицеру.

Дождавшись, когда шаги Алексея стихнут, она пересекла комнату и замерла около окна, сдвинув в сторону однослойную штору и выглядывая во двор. Молодой граф тепло обнял своего дядюшку и запрыгнул в коляску. Только потом посмотрел на окно библиотеки, кивнул и поднял руку в знак прощания. Оливия тоже помахала, а когда экипаж тронулся, осенила его крестным знаменем.

Присутствие в поместье молодой воспитанницы благотворно повлияло на графа Вязьмитинова. Николай Владимирович всерьёз озаботился образованием барышни. Они за-

нимались французским языком, осваивая азы, чтобы, находясь в светском обществе, барышня могла не растеряться и ответить хотя бы на простейшие вопросы. Граф много рассуждал о литературе, живописи, истории, политике, вёл со своей подопечной философские беседы.

Те отрывочные знания, что получила Оливия в отцовском доме, граф привёл в систему, помогая девушке обрести уверенность и выстроить гармоничную картину мира. Он, в свою очередь, восхищался природным умом и сообразительностью купеческой дочки, а общаясь с ней каждый день, сумел наконец оправиться от ужасной беды, которая посетила его три года назад.

В то время, когда опекун совершал деловые поездки, отлучаясь из имения, его воспитанница посвящала себя чтению и прогулкам. Она так часто бывала в Баяках, что жители привыкли к ней, приветливо здоровались, расспрашивали о здоровье доброго графа Николая Владимировича, с готовностью рассказывали обо всём необычном, что заметили сами или слышали, как кто-то другой делился своими впечатлениями.

Подходило к концу лето, повсюду витал яблочный дух, сердце Оливии замирало в ожидании холодов. Она помнила свой сон в монастырском ските, где ей открылось начало будущего служения, ознаменованного большой горячей свечой среди заснеженного поля. Суровая будущность конфликтовала с мирной, не обременённой печалью жизнью,

полной новых впечатлений, интересных знаний, бесконечной заботы со стороны слуг и опекуна. Оливия всем сердцем желала продолжения вереницы спокойных дней, когда ничто не способно испортить настроение, поскольку нет известий о долгах или разорении, никто не пытается напакостить, не распускает слухов и не возводит напраслину. Уютная, сердечная провинциальная жизнь, наполненная нехитрыми радостями и, конечно, всплеск эмоций, когда почта приносит долгожданные письма от милого графа Матвеева.

«Обожаемая моя птичка, драгоценная Оливия Дмитриевна, – неизменно начинал своё послание девушке Алексей Алексеевич, – безмерно скучаю, всем сердцем жажду поскорее увидеть вас, восхититься вашим красивым белым лицом, пшеничными волосами, сияющим взором, чудесными звуками вашего приятного голоса...»

Поэтичные строки молодого офицера дарили девушке ощущение романтической влюблённости, на несколько часов уносили её в эфиры блаженства и неги, позволяя отвлечься, даже позабыть на время о невзгодах, приготовленных для неё впереди, об одиночестве, на которое она обречена.

Поздней осенью граф Вязьмитинов объявил о скором переезде в губернский город.

– Я бы с удовольствием повёз тебя в столицу, дитя, – говорил он с доброй улыбкой, – и представил ко двору, но боюсь, что дом в Санкт-Петербурге нельзя привести в порядок

раньше чем к Рождеству. А здесь я бывал, содержание особняка обеспечивал, не стыдно будет и гостей принимать.

– Позвольте здесь остаться, батюшка Николай Владимирович! – умоляюще сложила тонкие ладони Оливия. – Нельзя мне уезжать, старец велел...

– Помню-помню, – ещё шире улыбнулся опекун. – Баяки! Так мы ведь недалеко поселимся. Добрые лошадки за пару часов доставят сюда, если возникнет такая срочность. А не вывезти я тебя не могу, не обессудь. И без того судачат в округе о том, что я необыкновенный бриллиант в своём поместье прячу.

– Пусть судачат, – хмурилась девушка, – мне до них дела нет.

Граф подошёл ближе, погладил воспитанницу по голове и вздохнул:

– Так и от меня сплетни отлетают, как шматки грязи от лошадиных копыт, но жениха тебе надобно подыскать.

Оливия замотала головой, не зная, как отговорить добросердечного графа от пустой затеи. Не хотелось пугать его страшными предсказаниями, и без того несчастному Николаю Владимировичу пришлось пережить горести такие, каких врагу не пожелаешь.

– Почему, дитя? Почему такая печаль в глазках? – наклонился к ней опекун. – Неужели по Алёшке сохнешь? – не дождавшись ни подтверждения, ни отрицания, граф принялся рассуждать: – Ты не думай, я своего племянника люблю, ува-

жаю, даже восхищаюсь им. Да только в мужья тебе не прочу. Трудно за военным, дочка, очень трудно. Не такой судьбы я хочу для своей Олишки.

Так и не решилась девушка объясниться с опекуном откровенно, согласилась ехать в город: подумала совершить с графом положенные визиты, а потом попроситься обратно в имение. Неужто откажет, видя, что подопечной в городе плохо? В том, что ей будет неуютно среди множества людей, Оливия не сомневалась.

Первой, с кем пришлось познакомиться Оливии в городе, была модистка мадмуазель Каролина Лангле. Эта невысокая, немного задумчивая, безукоризненно одетая девушка окинула воспитанницу графа Вязьмитинова цепким взглядом и легко согласилась одеть «божественную красавицу» так, что даже столичные дамы немедленно умрут от зависти.

Оливия пыталась возражать, призывала опекуна не входить в лишние траты, поскольку и тех нарядов, что нашлись в поместье, ей много.

– Ты же не хочешь, детка, – качал головой Николай Владимирович, – чтобы здешние обыватели именовали меня скрягой? Дозволь позаботиться о тебе, раз уж судьба лишила меня такой возможности в отношении жены и дочери.

После этих горьких слов Оливия запретила себе возражать графу, оберегая его чувства.

Вскоре в особняк на Московском проспекте стали достав-

лять коробки и свёртки, содержимому которых обрадовались бы самые состоятельные женщины и девушки губернии. Дело не ограничивалось платьями, шубками, туфельками, сапожками, шляпками. . . Для названной дочери граф покупал изящные украшения и французские духи, а радовался этим приобретениям, кажется, больше, чем сама одаряемая. Оливия пожаловалась в письме Алексею на безрассудство и расточительность его дядюшки, сетуя на то, что не имеет возможности сократить его щедрость. Ответ офицера немного её утешил. Граф Матвеев сообщал, что сумел напасть на след кузины, но очень просил пока держать это в тайне, поскольку ещё не был уверен до конца, что прославившаяся в последнее время немецкая пианистка, проживающая во Франции, и есть Гликерия Николаевна Вязьмитинова, потерявшая память после катастрофы.

«Я вам всё подробнейшим образом расскажу при встрече, моя милая птичка, – писал Алексей, – тогда мы вместе осчастливим дядюшку, если мои догадки получат подтверждение». Он обещал приехать на Рождество, чем очень порадовал Оливию.

А пока приходилось мириться с визитами добрых знакомых графа Вязьмитинова, спешивших засвидетельствовать своё почтение долгое время не показывавшему глаз в городе другу. Каждый новый гость непременно желал посмотреть на юную воспитанницу Николая Владимировича и проявлял интерес к тому факту, не обручена ли эта красавица с ка-

ким-нибудь столичным хлыщом, уж очень прытким и охочим до богатого приданого.

На малолюдных дружеских вечерах в доме графа Вязьмитинова поднимались разнообразные темы. Мужчины активно обсуждали технологический прогресс и индустриализацию, вели разговоры о стремительном развитии науки и техники – появлении электричества, новых видов транспорта, телеграфа и телефона. Почти все восхищались достижениями, но были и те, кто опасались, что технологии могут изменить привычный уклад жизни и даже навредить человечеству. Дамы предпочитали рассуждать о мистицизме. В преддверии нового века их беспокоили пророчества, особенные знаки, предсказания конца света. Почти все были увлечены нумерологией, астрологией, таинственными явлениями и загадками, которые, как казалось, предвещали глобальные перемены. Оливия испытывала тревогу, слушая все эти рассуждения, но предпочитала помалкивать, боясь собственных мыслей и предчувствий, которые могли превратить досужие светские разговоры в страшные необратимые пророчества.

Ближе к зиме начались балы, званые вечера и приёмы. Граф Вязьмитинов относился к приглашениям избирательно, говоря, что ему не всякая встреча доставит удовольствие, и была бы его воля, он ограничился бы двумя-тремя домами, где по-прежнему приятно бывать. Однако ради воспитанницы он соглашался посещать и те светские рауты, куда полагалось привозить молодых барышень для знакомства с пер-

спективными холостяками. Эти усилия были напрасными, о чём Оливия старательно намекала, но Николай Владимирович стоял на своём, считая себя в ответе за судьбу Оливии.

Танцевать богатая невеста не любила. Она разучила под руководством опекуна все самые модные танцы, но стеснялась выставлять себя напоказ и старательно пряталась в толпе других барышень, чтобы избежать приглашения. Это удавалось далеко не всегда. Кавалеры находили её и за колоннами, и в тени скульптур, украшавших бальные залы, и даже за плотными гардинами, где она пыталась спрятаться, когда опекун отвлекался на беседу со старинными друзьями.

Особенно упорным преследователем Оливии был Константин Ожаровский, на каждом званом вечере этот молодой граф – третий сын в обедневшей семье Ожаровских – непременно оказывался рядом с ней и настойчиво приглашал на танец, а в случае отказа старался вести с барышней долгие и содержательные разговоры об искусстве.

– Почему вы всегда печальны, Оливия Дмитриевна? – спрашивал надоедливый кавалер в сотый раз. – Вам пришлось пережить смерть близкого человека? Быть может, вы потеряли любимого?

– Не стоит гадать, Константин Юрьевич, – качала головой девушка. – Моя грусть не связана с личными переживаниями.

Ожаровский сделал умное лицо, собираясь сказать что-то глубокомысленное, но к беседующей паре подошли два его

друга лет тридцати – один высокий, а второй полноватый.

– Представь нас, Константин, – сухо попросил высокий.

Ожаровский недовольно поморщился, ему не хотелось бороться за внимание Оливии с кем бы то ни было. Тем не менее, он выговорил, указывая поочерёдно сначала на полного, а потом и на высокого приятеля:

– Тихон Михайлович Соллогуб, Нестор Гаврилович Хвостов, – затем повернулся к девушке: – а это милейшая воспитанница графа Вязьмитинова – Оливия Дмитриевна Черникина.

Кавалеры принялись сыпать комплиментами, перемежавшимися с остротами и философскими рассуждениями, а барышня отвлеклась, ища глазами своего опекуна.

Граф Николай Владимирович Вязьмитинов, сдержанный и величественный, беседовал с княгиней Уваровой, давней подругой его жены и крёстной Гликерии. Оливия посчитала неудобным мешать их, судя по всему, серьёзной беседе.

В просторном зале, украшенном хрустальными люстрами и бархатными драпировками, собрались представители высшего света – дамы в изящных платьях с кружевами и жемчужными ожерельями, господа в строгих костюмах и сдержанных галстуках. Лёгкий шум разговоров, смешанный с приглушённым звоном бокалов, создавал атмосферу торжественности и праздника, но Оливия ощущала нечто иное – едва уловимое беспокойство, словно за этим блеском и роскошью скрывалась тьма.

Разговоры вокруг касались грядущего рубежа – перехода в новый двадцатый век. В обществе витали тревожные слухи и предчувствия. Многие говорили о конце света, о грядущих катаклизмах и переменах, которые могут перевернуть привычный порядок. В газетах и салонах обсуждали пророчества и суеверия, а в устах светских дам звучали слова о том, что время скорого суда над человечеством уже близко. Оливия слушала эти разговоры, её внимание то и дело отвлекали странные видения. Лица многих собравшихся, казавшихся сначала приветливыми и доброжелательными, вдруг начинали искажаться – кожа становилась прозрачной, обнажая под ней черепа с пустыми глазницами. Улыбки превращались в мрачные усмешки смерти, а глаза – в бездонные тёмные пустоты.

Сердце девушки сжималось от страха, она старалась не показывать этого, боясь обратить на себя ненужное внимание. Внутри неё разгоралось ощущение, что этот светский блеск – лишь маска, скрывающая нечто гораздо более злое и неизбежное. И в этом мимолётном взгляде на скрытую сторону мира она почувствовала, что её путь вот-вот начнётся – путь, где свет и тьма будут переплетены неразрывно, как огонь и тень.

Сквозь шум и смех, сквозь шелест платьев и тихие шёпоты, Оливия предчувствовала: следующий век принесёт с собой не только надежды и свершения, но и испытания, которые потребуют от неё мужества и силы, о которых она ещё

не догадывалась.

К огромному сожалению, Алексей не выполнил обещание приехать на Рождество, его задержала служба. Визит пришлось перенести на весну. И граф, и его воспитанница огорчились настолько, что перестали ездить по балам. Вернее, Оливия убедила Николая Владимировича отказаться от нескольких приглашений.

– Ты всё-таки влюбилась в Алёшку, – вздыхал опекун, – а я ведь предупреждал...

– Дело совсем не в этом, ваша милость! – воскликнула девушка.

– Ой, очень прошу, дитя! – поморщился граф. – Ладно, на людях, но дома будь великодушна, общайся со мной без официоза.

– Простите...

– Мне бы доставило большое удовольствие, если бы ты называла меня дядей или даже отцом.

«У вас есть настоящая дочь!» – чуть не крикнула Оливия, но сдержалась, помня просьбу Алексея. Ей очень хотелось повидаться с графом Матвеевым. Во-первых, она скучала по его обществу, во-вторых, огорчилась из-за того, что теперь до самой весны не узнает итогов расследования: правда ли, что найденная Алексеем пианистка – его кузина.

– Хорошо, дядюшка, – согласилась Оливия после продолжительной паузы.

– Вот и славно! – опекун подошёл ближе, взял её за плечи, наклонился и поцеловал в макушку, после чего строго добавил: – А про Алёшку не думай, найдём тебе другого жениха.

– Умоляю, не нужно! – девушке не хотелось объяснять графу причин, по которым она гонит мысли о замужестве, поэтому нашла другой довод: – Давайте повременим, ведь я ещё молода и совсем неопытна в свете. В благородной семье буду чувствовать себя чужой.

– Хм... – удивился Николай Владимирович, – как ты, однако, рассуждаешь! Совсем как старушка. По мне, так ты прекрасно воспитана и легко заткнёшь за пояс некоторых юных аристократок.

– Мне так не кажется, дядюшка, – упрямо качала головой Оливия. – Далекое не каждый разговор я сумею поддержать. Когда при мне начинают рассуждать про культурные изменения и модерн, беседуют о новых течениях в искусстве, литературе и философии, восхищаются разрушением традиций и проповедают новые взгляды на жизнь и человека, мне становится неуютно. Для образованных людей всё это символизирует переход от старого мира к новому – притягательному в своей неизвестности. А я вижу крах и пустоту. Мне никогда не стать своей в этой среде.

Граф отстранился и окинул воспитанницу цепким взглядом. Покачал головой и вздохнул:

– Хорошо, будь по-твоему, отложим поиски партии на следующий год, а пока углублённо займёмся твоим образо-

ванием. Уже завтра начну искать для тебя учителей.

Это было маленькой победой, хотя совсем избавиться от кавалеров не получилось, некоторые из них стали под разными предлогами ездить в особняк на Московском проспекте. Графу Вязьмитинову по просьбе некоторых знакомых приходилось устраивать званые вечера – камерные, с музицированием и беседами о политике, искусстве, народном просвещении...

К прежним самым настойчивым ухажёрам присоединился молодой князь Всеволод Уваров – студент университета, приехавший из столицы к родителям на праздники. Он пришёл в гости к Вязьмитинову вместе с матушкой-княгиней и сразу же очаровал всех своей юностью, задором, пылкими речами. Всеволод был едва ли многим старше воспитанницы графа, разве что на полтора или два года. Они сразу же подружились и вели долгие разговоры. Князь рассказывал о Петербурге, о театральных и оперных постановках, иногда разыгрывал для Оливии целые сцены в лицах и даже исполнял отрывки из полюбившихся арий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.